

Раздел IV

**РОССИЙСКОЕ
ГОСУДАРСТВО
НА ПУТИ
К ИМПЕРИИ**

Глава 22.

Первый царь династии Романовых Михаил Фёдорович

§ 1. Земский собор 1613 г.

После освобождения столицы от поляков в ноябре 1612 г. руководители ополчений Д. Т. Трубецкой и Д. М. Пожарский разослали по городам грамоты о созыве Земского собора «для царского обирания». От каждого достаточно крупного города следовало прислать 10 «лучших и разумных людей», которые могли бы выразить волю пославших их жителей.

Поскольку время было сложным и тревожным, выборщиков пришлось ждать довольно долго. Только в январе 1613 г. в Москву прибыли представители приблизительно 50 городов (точных данных на этот счет нет). Кроме них на собор пригласили представителей высшего духовенства, которых было мало (патриарх Гермоген умер от голода в земляной тюрьме в феврале 1612 г., новгородский митрополит Исидор находился в шведском плену, ростовский митрополит Филарет — в польском плену, казанский митрополит Ефрем не приехал, крутицкий митрополит Варлаам погиб). Главным среди духовных лиц был восстановленный

в сане, по инициативе Второго ополчения, ростовский митрополит Кирилл (он был свергнут Лжедмитрием в 1605 г.). Основными участниками собора стали руководители ополчения, среди которых было несколько бояр — «ярославских начальников». «Седьмочисленных бояр» поначалу не хотели приглашать, поскольку они считались изменниками, но потом некоторые из них (Ф. И. Шереметев, И. Н. Романов) вошли в состав собора. На заключительном этапе его участниками стали все лица, входившие в царский двор и Боярскую думу при Василии Шуйском. Всего на соборе оказалось около 700 человек, представлявших самые различные сословия: дворянство, купечество, посадское население и даже черносошное крестьянство и казачество. Поэтому считается, что собор 1613 г. был исключительно представительным.

Однако пестрый состав собора привел к тому, что на первом этапе согласия между его участниками не было. Троицкий келарь Авраамий Палицын, присутствовавший на заседаниях, писал, что «настроение и мятеж были зело велики», поскольку бояре и вельможи «в самовластии блудяху».

Каждая группировка выдвигала своих претендентов на престол. Историк А. Л. Станиславский полагал, что в то время в Москве больше всего было казаков — до 10 тысяч, поэтому они могли диктовать свою волю остальным (дворян было только 2 тысячи, стрельцов — 1 тысяча) с позиции силы. Следует, правда, отметить, что в иностранных источниках, которые использовал историк, казаками называли всех ополченцев.

Казаки, по мнению Станиславского, выдвигали три кандидатуры: Д. Т. Трубецкого, Д. М. Черкасского и М. Ф. Романова. Наиболее популярным среди них был Трубецкой, принадлежащий к знатному княжескому роду Гедиминовичей и показавший себя опытным полководцем. Он стал правителем страны после её освобождения от поляков, и за свои заслуги даже получил в кормление богатую северную область Вага, когда-то принадлежавшую Б. Ф. Годунову. О его достоинствах по всей стране распространяли грамоты, как бы агитируя за его избрание.

Немногочисленные бояре склонялись к кандидатуре Карла-Филиппа, который уже официально считался правителем Новгородской земли. Швед прельщал их, видимо тем, что как человек новый и молодой вряд ли бы стал все менять при царском дворе и оставил бы за ними прежние должности.

Были сторонники и у королевича Владислава, но после неудачной попытки короля Сигизмунда прорваться к Москве в конце 1612 г. большая их часть Москву покинула, боясь расправы.

Некоторые представители дворянства предлагали избрать кого-нибудь из наиболее знатных князей, имевших родство с великими князьями Московскими: либо В. В. Голицына, либо Ф. И. Мстиславского, либо И. М. Воротынского. Но первый был в польском плену, второй запятнал себя связями с поляками, третий особых личных заслуг не имел.

Есть сведения, что даже Д. М. Пожарский выдвигал свою кандидатуру и для агитации за себя тратил много денег. Но он был слишком худороден и среди знати поддержки не имел.

Предвыборная борьба резко ухудшила ситуацию в Москве. Очевидец сообщал: «Многое волнение было всяким людям: койждо хотяше своей мысли, иные убо подкупали и засылали, хотяше не в свою степень».

Наконец было решено никаких иностранных принцев на престол «не хотети», а избрать «государя благочестивого, подобного прежним природным государям». После обстоятельного рассмотрения всех кандидатур выбор пал на 16-летнего Михаила Романова, происходившего из знатного боярского рода Захарьиных-Юрьевых-Романовых. С XIV в. его предки служили московским князьям и занимали самые высокие посты при дворе и в правительстве. Их родоначальник Андрей Иванович Кобыла ездил в 1347 г. в Тверь сватать невесту для Симеона Гордого, его сын Фёдор Кошка охранял семью Дмитрия Донского во время Куликовской битвы. Сын Фёдора Иван был видным боярином Василия I и выдал дочь замуж за тверского князя. В свою очередь сын Ивана Захарий известен как

главный инициатор ссоры Василия II с двоюродными братьями по поводу золотого пояса. Она произошла на свадьбе великого князя с княжной Марией Ярославной, матерью которой являлась представительница рода Кошкиных Мария Фёдоровна Голтыева. Дети Захария — Яков и Юрий — были видными полководцами, дипломатами и государственными деятелями при Иване III и помогали ему строить «Московскую Русь» — Русское централизованное государство. Сын Юрия Михаил за особую близость к Василию III был прозван «оком государевым». Авторитет всего рода был настолько велик, что дочь младшего брата Михаила Роман — Анастасия стала в 1547 г. женой царя Ивана Грозного. Именно она являлась матерью царя Фёдора Ивановича, оставившего в людских сердцах о себе светлую память. Братья царицы Даниил и Никита были видными полководцами и государственными деятелями и занимали при царском дворе самые высокие места.

Получалось, что Михаил приходился одним из наиболее близких родственников последним представителям угасшей династии московских князей. По женской линии он приходился Ивану Грозному внуком, а царю Фёдору — двоюродным племянником. Это играло важную роль для признания законности его прав на престол в глазах международной общественности.

Решение избрать Михаила царем возникло не только у членов собора. Авраамий Палицын сообщал, что на собор приходили письма от дворян, богатых купцов, от жителей разных городов и простых казаков. В них называлось одно имя будущего царя — Михаил Фёдорович Романов. Особенно активно ратовал за него некий дворянин из Галича, который даже составил родословие кандидата, указывающее на родство с прежними законными царями (царей Смутного времени многие считали незаконными).

Придя к общему мнению, члены собора решили прервать свою работу на две недели, чтобы сослаться с городами и узнать мнение их жителей о кандидатуре Михаила Романова.

Вновь заседания начались 21 февраля (когда-то этот день был праздником, посвященным избранию Бориса Годунова).

Согласно позднему преданию, на нем выступили казаки и заявили, что тянуть с избранием царя нельзя, поскольку достойный кандидат найден. В пользу Михаила они сообщили явно сочиненную версию о том, что Фёдор Иванович завещал престол отцу Михаила Фёдору Никитичу и даже передал ему скипетр, но Борис Годунов его перехватил.

Правда среди некоторых бояр были те, кто полагал, что Михаил слишком молод и неопытен. На это его сторонники заявляли, что у юноши есть дядя Иван Никитич, который способен быть тому «крепкой опорой».

В итоге в этот же день 21 февраля 1613 г. в Успенском соборе Земский собор нарек Михаила Фёдоровича «царем и великим князем всея Руси». Волю собора объявили народу, собравшемуся на Соборной площади. Это вызвало всеобщее ликование. Смута и безвластие заканчивались.

Замечательные предки, обширные родственные связи, в том числе и с угасшей династией государей давали Михаилу большие преимущества по сравнению с остальными кандидатами. Взойдя на престол, в официальных документах он стал именовать себя внуком Ивана Грозного, как бы уверяя всех, что является продолжателем династии московских князей.

Предполагалось, что положение знати при дворе нового царя останется прежним, поскольку он был связан родственными узами и с Ф. И. Мстиславским (вторая жена его деда и мать князя были родными сестрами), и с Ф. И. Шереметевым (оба принадлежали к одному роду А. Кобылы), и с Черкасскими (тетка Михаила была женой Б. К. Черкасского), и с Морозовыми-Салтыковыми (из их рода была мать Михаила), и с многими другими наиболее знатными вельможами (Троекуровыми, Катыревыми, Ростовскими, Сицкими, Репниными, Карповыми, Колычевыми, даже Годуновыми и Шуйскими).

Для простых людей Михаил был симпатичен тем, что с детских лет терпел лишения, голодал, был разлучен с родителями из-за того, что Борис Годунов объявил его уже в 4 года государственным преступником и отправил в Белозерскую тюрьму. В 1611–1612 гг. он находился вместе с поляками в осажденном Кремле, но в услужение к интервентам

не пошел и снова вместе со всеми «невольными сидельцами» голодал и терпел всяческие унижения. Трагедией для него стал арест и заточение в Польше отца Филарета.

По поводу избрания Михаила известный историк С. Ф. Платонов писал: «На Романовых могли сойтись и казаки, и земщина — и сошлись. Предлагаемый казачеством кандидат был удобно принят земщиной. Кандидатура М. Ф. Романова имела тот смысл, что мирила в самом щекотливом пункте еще не вполне примиренные общественные силы и давала им возможность дальнейшей солидарной работы. Радость обеих сторон по случаю достигнутого соглашения, вероятно, была искренняя и велика, и Михаил был избран действительно «единомышленным и невозвратным советом его будущих подданных»».

После избрания Михаила от имени собора по всей стране были разосланы грамоты о новом царе, и население стали приводить к присяге ему. Все это делалось без какого-либо участия избранника, поскольку его в Москве не было и о возложенной на него чести он, видимо, даже не подозревал.

Еще поздней осенью 1612 г. Михаил с матерью отбыл в село Домнино Костромского уезда, чтобы поправить здоровье после длительного голодания во время кремлевской осады. Однако вскоре выяснилось, что и там жить небезопасно. Кругом рыскали шайки поляков и казаков, желавшие поживиться за чужой счет. Им, видимо, стало известно о приезде богатой московской боярыни с сыном. О намерениях разбойников и грабителей стало известно местному старосте И. Сусанину, который через своего зятя предупредил Марфу и Михаила об опасности, а сам завел напрашенных гостей в непроходимые Исуповские болота. Там он и сложил свою голову. Только через много лет царю Михаилу стало известно о подвиге Сусанина, и он наградил его родственников.

Михаил с Марфой поселились в более безопасном костромском Ипатьевском монастыре, обнесенном мощными крепостными стенами. Здесь их и нашли московские посланцы. Во главе Костромского посольства стояли архиепископ Рязанский Феодорит и боярин Ф. И. Шереметев, возглавлявший род Романовых на соборе. Членами его были

представители духовенства, дворянства и выборные от городов. Они получили подробную инструкцию о том, что следовало говорить будущим государям, Михаилу и его матери, в случае их отказа от царского венца. По предварительным сведениям, Марфа была категорически против избрания сына, поскольку помнила о трагической участи всех выборных государей в Смуту и знала о тяжелой обстановке в стране.

14 марта с иконами и крестами в парадной одежде члены посольства двинулись к Ипатьевскому монастырю. В воротах их уже ждали Михаил и Марфа. Лица их были суровы. Как и следовало ожидать, от оказанной им чести они решительно отказались. Марфа заявила, что сын её слишком юн, чтобы принять на себя столь великое государство. По ее мнению, «русские люди измалодушествовались и данной государям клятве все время изменяли, к тому же государственная казна разграблена, денег на войско нет, и сражаться с многочисленными врагами некому и нечем». В этих условиях её сына ждет на престоле неминуемая гибель. К словам матери Михаил добавил, что без отцова благословения быть царем не может, отец же в плену, и если король узнает об его воцарении, то может погубить Филарета.

Несомненно, что аргументы сына и матери были очень весомы, но послы не могли вернуться ни с чем. Отказ Михаила от престола мог вылиться в новое кровавое междоусобие между другими претендентами на корону. Для страны это закончилось бы полным крахом и развалом. Поэтому Феодорит взял икону Федоровской богородицы и заявил Марфе, что её отказ от престола вызовет божий гнев и кровь невинных жертв падет ей на голову. Многострадальная инокиня поняла, что у нее один выход — благословить сына на царство. Тут же в монастырском храме Михаил получил благословение от Феодорита, а вместе с ним и скипетр — символ царской власти.

Однако молодой царь не стал спешить в столицу, где его ждал только разоренный и разграбленный царский дворец, в котором не было ни крыши, ни полов, ни окон, ни дверей. Не только царских сокровищ, но даже продовольствия

в Кремле не было. Кроме того, в городе стояли две рати, военачальники которых также имели виды на престол. У Михаила же не было ничего. Поэтому он мог превратиться в их заложника и даже не начать самостоятельное правление.

Почти два месяца медленно двигался нареченный царь к Москве, собирая вокруг себя верных людей, ссылаясь с городами и убеждаясь в их желании ему служить, формируя новое правительство и прибирая власть к рукам.

В конце апреля временное правительство в столице было вынуждено констатировать, что все дьяки и подьячие отъехали к царю, и вести делопроизводство некому. По просьбе Михаила Трубецкой и Пожарский были отстранены от власти и даже написали ему униженное послание, в котором просили разрешить им встретить его. За казаками был усилен надзор, чтобы они прекратили разбои и грабежи на дорогах. Во все неразоренные города и села были отправлены сборщики продовольствия и денежных средств.

Первые акции нового царя свидетельствовали о том, что он хорошо осознавал свои права и обязанности и был осведомлен о положении в стране и столице.

Наконец, 2 мая 1613 г. состоялся торжественный въезд Михаила в Москву. Жители встретили его «во мнозе радости и с веселием, со кресты и с честными иконами». По обычаю царь посетил сначала главные кремлевские храмы и поклонился гробам прежних государей. Только потом он отправился в свои покои — Золотую палату и две маленькие комнаты. Это все, что смогли отремонтировать бояре. Марфа поселилась в Вознесенском монастыре, хотя сыну хотелось, чтобы она была рядом с ним. Но подходящего помещения для нее во дворце найти не удалось. В таком жалком состоянии принимал некогда великое царство первый царь из династии Романовых.

По примеру Фёдора Ивановича Михаил решил венчаться в канун своего дня рождения, т. е. 11 июля 1613 г. (12 июля ему исполнялось 17 лет). Образцом для церемонии стал чин венчания все того же Фёдора Ивановича. Отличие было лишь в том, что Михаила из-за отсутствия патриарха венчал старейший из русских иерархов казанский

митрополит Ефрем, и в церемонии приняли участие многие светские лица: И. Н. Романов, Д. Т. Трубецкой, Д. М. Пожарский, Ф. И. Мстиславский, казначей Н. В. Траханиотов и др. Царь как бы демонстрировал всем, что оказывает полководцам-освободителям особую честь. Сразу после венчания Д. М. Пожарский получил боярский чин, Д. Т. Трубецкому было подтверждено его тушинское боярство. Однако ни тот ни другой в ближнее окружение царя не вошли. Подвиги Пожарского были оценены только после возвращения из плена Филарета, Трубецкой же до конца жизни (он умер довольно рано для своего возраста, в 1625 г.) находился вдали от двора. Вероятно, Михаил не слишком доверял полководцу, который в Смуту постоянно менял государей (от Василия Шуйского бежал к Лжедмитрию II, потом присягал Лжедмитрию III — Псковскому вору Сидорке).

В обстоятельствах вступления Михаила Фёдоровича на престол был заложен прочный фундамент для его успешного правления. Он не фарисействовал как Борис Годунов, провоцировавший подданных снова и снова умолять его принять корону, не лгал и не нарушал вековых традиций, как это позволял себе Лжедмитрий I, не торопился сразу сесть на трон, как Василий Шуйский, прозванный за это «самоизбранным». Медленно и обстоятельно присматривался он к своему новому положению, окружал себя верными людьми, стремился быть справедливым к тем, кто искал его защиты (после наречения на царство он запретил боярскому правительству отнимать земли даже у проштрафившихся дворян и собирался лично разобраться с каждым). Главное, к чему он стремился — принести мир и спокойствие измученному народу и восстановить былое величие страны. Это поняли его подданные и тесно сплотились вокруг трона.

§ 2. Неотложные меры по спасению Отечества

С первых же дней правления перед Михаилом встало множество труднейших задач. Следовало укрепить расширяющуюся государственную власть, вновь воссоздать органы государственного управления, т. е. Боярскую думу, приказы,

назначить новых воевод в города, наладить финансовую систему и наполнить царскую казну, собрать воинских людей и обеспечить защиту страны от многочисленных внешних врагов.

При формировании правительства царь оставил на прежних местах всех должностных лиц, которые были на них раньше. Так, в Боярскую думу вошли «сedmочисленные бояре» Ф. И. Мстиславский, Ф. И. Шереметев, Б. М. Лыков, И. Н. Романов, И. М. Воротынский, полководцы-освободители Трубецкой и Пожарский, царские родственники, только что получившие боярство, — И. Б. Черкасский (двоюродный брат по линии отца), Б. М. Салтыков (двоюродный брат по линии матери). Вошел в ее состав и Кузьма Минин, получивший чин думного дворянина.

В приказах остались все опытные дьяки: Ефим Телепнев, Пётр Третьяков, (глава Посольского приказа), А. Шапилов, Ф. Шушерин, А. Царевский, И. Болотников, хотя многие из них служили и Тушинскому вору, и Сигизмунду. Михаил никого не стал наказывать «за прежние измены», полагая, что в трудное время необходима всеобщая консолидация. Следствие началось только против расхитителей царской казны — Ф. Андронova «со товарищи».

Это дало хороший результат: «И совокупися вся земля Русская ему, Государю, служить. Преста в Русском государстве всенародная человеческая пагуба. Православного христианства кровопролитию и всякому воровству и лживым царевичем конец бысть».

Михаил понимал, что без опоры на все слои населения ему не поднять страну из руин. Поэтому одной из главных опор своей власти он сделал Земские соборы. С 1613 по 1622 г. они действовали почти непрерывно, став совещательным и исполнительным органом власти, поскольку своим авторитетом на местах выборщики способствовали претворению в жизнь царских указов.

На Земских соборах решались вопросы о сборе чрезвычайных налогов — «пятинных денег» (пятой части имущества) и «запросных денег» (добровольных пожертвованиях), об отправке войск против И. Заруцкого, вольных казаков,

поляков и шведов, об условиях заключения мирных договоров с соседними державами, о реформах в стране и многое другое.

В полном составе Земский собор состоял из четырех курий: Освящённого собора (высшего духовенства), Боярской думы, представителей московского дворянства и купечества и выборных от городов и уездов. Работа собора начиналась с общего заседания, на котором думный дьяк от имени царя (в экстренных случаях выступал сам царь) излагал вопросы, на которые следовало ответить членам собора. Обсуждение проходило по куриям, и ответ подавался в письменном виде дьяку. Окончательное принятие решения было прерогативой царя, но он выносил его в зависимости от мнения членов собора.

Еще одним совещательным органом власти была Боярская дума, в которую входило около 30–40 человек не только бояре, но и окольные, думные дворяне и дьяки. Обладала дума и управленческими функциями через систему временных боярских комиссий. Они создавались для ведения посольских переговоров, решения местнических споров, судебных дел, руководства работой некоторых особо важных приказов, управления страной в отсутствие царя. Секретные дела решались Ближней думой, состоящей, как правило, из четырех бояр.

Во время Смуты некоторые приказы не прекращали своей работы. Так, даже в ополчениях были Посольский, Разрядный, Поместный и Земские приказы. Поэтому Михаилу предстояло только их расширить и пополнить новыми дьяками и подьячими. Вскоре общее число приказов достигло 40, но не все из них были постоянно действующими. Некоторые создавались только для решения конкретной задачи, а потом упразднялись. Постоянными приказами, кроме указанных выше, были: Стрелецкий, Пушкарский, Казачий, позднее Иноземный и Рейтарский, которые занимались военными делами; Разбойный организовывал борьбу с лихими людьми; Челобитный собирал жалобы на чиновников и властей; Ямской ведал ямской гоньбой; Холопий регистрировал кабальные записи; Московский и Владимирский судебные приказы занимались судопроизводством; Аптекарский следил за здоровьем членов царской семьи; Большая казна

собирала налоги в царскую казну: Денежный двор занимался изготовлением монет; Казанскому и Сибирскому приказу подчинялись соответствующие территории.

Приказы возглавлялись судьями из числа бояр или окольных и думными дьяками. В каждом приказе были судебское присутствие и канцелярия, которая делилась на столы — своеобразные отделы. Материальное обеспечение служащих осуществлялось за счет собираемых в данном приказе налогов и податей (за судопроизводство, составление документов и т. д.) Судьи и думные дьяки имели земельные владения и получали денежные оклады. Рядовые дьяки и подьячие — только деньги.

В Смуту местное управление во многих городах сохранялось, поэтому в него были внесены лишь некоторые коррективы. Воеводы стали назначаться на 1–2 года из дворян по московскому списку. В их ведении находились приказные избы, копировавшие структуру столичных приказов. Они занимались вопросами обороны, строительства укреплений, дорог, мостов и т. д. Сбором налогов, обычно занимались выборные губные старосты и целовальники. Иногда по просьбе горожан (не приграничных городов) царь разрешал обходиться без воевод — управляться только посредством губных старост. Это делало городское управление более демократичным.

Особого внимания требовали приграничные города, поскольку Россия была в состоянии войны с Речью Посполитой, Швецией и образовавшимся на юге Астраханским государством Марины Мнишек и И. Заруцкого. В 120 городах-крепостях были заменены воеводы и присланы осадные и стрелецкие головы. Им следовало отремонтировать укрепления, провести ревизию вооружения, переписать ратных людей, разделить на сотни и выбрать для каждой начальника — голову.

Еще одной неотложной задачей стало наполнение казны. Поскольку страна была разорена, и население было не способно сразу выплатить налоги за смутные годы, было решено обратиться к богатым промышленникам Строгановым (к ним в трудное время обращался и Василий Шуйский). В царской грамоте писалось, что «для крестьянского покою и тишины» Михаил просит Строгановых дать займы денег,

хлеба, рыбы, соли, сукон и всяких товаров. Промышленники не отказали и сначала дали 3000 руб., а потом несколько раз и более крупные суммы.

В первый год правления Михаила налоги собирали лишь за прошлые годы. Зажиточных людей просили добровольно жертвовать любые суммы. Но на следующий год по решению Земского собора были введены чрезвычайные налоги — «пятинны», составлявшие пятую часть всего имущества, правда, не для всех сословий, а только для торговых людей. Через три года «пятинна» становится обязательной для всего посадского населения. На четвертый год «пятинна» — уже налог для всего населения. Сбор прежнего посошного налога, учитывавшего размер пашенной земли, был невозможен, поскольку многие местности запустели.

Кроме основных прямых налогов, было много дополнительных: «стрелецкие деньги» — на содержание стрельцов, «мостовщина» — плата за перевоз по мосту, «мытные сборы» — плата за ввозимые товары на заставах, сбор даточных людей — выделение людей либо для военных походов, либо для строительных работ и многие другие.

Наиболее тяжелый удар Смута нанесла по сельскому хозяйству. Грамоты с мест показывали, что в 1613–1617 гг. в западных районах распахивалось только 5% земельных угодий, в восточных — 17%. Численность же сельского населения очень уменьшилась и восстановилась только в 20-х гг. XVII в.

В землевладении царя большая неразбериха, поскольку каждый властитель Смутного времени раздавал земли врагов своим приближенным. Чтобы навести порядок в этом вопросе, по царскому указу размер земельных владений для всех, кроме членов Боярской думы, был ограничен 1000 четвертей. В 1614 г. был издан указ о сыске беглых крестьян, покинувших владельцев с 1 сентября 1605 г.

Все мероприятия по подъему экономики приходилось осуществлять в очень сложной внешнеполитической ситуации. В 1613 г. отряды А. Гонсевского разорили Торопецкий уезд. Вольные казаки опустошили Олонецкий уезд и города Романов, Углич и многие земли на Севере. Под Брянском, Орлом и Карачевом разбойничал А. Лисовский.

И. Заруцкий огнем и мечом прошелся по Рязанщине. Только под Воронежем царским войскам удалось нанести ему ощутимый удар и заставить отойти на юг. Там в Астрахани он вместе с Мариной Мнишек создал свое царство и даже вознамерился отойти от Русского государства под протекторат персидского шаха. Кроме того, Заруцкий рассылал по казачьим станицам «прелестные грамоты», приглашая казаков на службу, чтобы вместе грабить русские земли.

Для правительства Михаила был опасен даже не сам Заруцкий, сколько его влияние на неустойчивую казачью среду. Привлекая казаков на свою сторону, он мог вновь дестабилизировать ситуацию в стране. Поэтому по инициативе Михаила по всем городам были разосланы грамоты, сообщавшие о новом законном правительстве, вернувшем людям прежний порядок, тишину и спокойствие, и «злодейских неправдах» Ивашки Заруцкого с «еретичкой и люторкой» Маринкой, которые вновь желают «пролить христианскую кровь и начать междоусобную войну».

Грамоты подготовили благоприятную почву для борьбы с «астраханскими» царями. В мае 1614 г. жители Астрахани, узнав о приближении царских войск, восстали против И. Заруцкого и Марины и заставили их бежать на р. Яик (Урал). Войско князя И. Одоевского вошло в город без всякого боя. За беглецами отправили небольшой отряд стрельцов, который обнаружил их на Медвеьем острове. Под сильным конвоем их отправили в Москву.

Там состоялся боярский суд, приговоривший И. Заруцкого и сына Марины Ивана к смертной казни. Марину заточили в башне, где она вскоре умерла. Странники Заруцкого были прощены и взяты на царскую службу. Это очень подняло авторитет молодого царя в казачьей среде. Смерть астраханских властителей положила конец затянувшейся аванюре Лжедмитриев, 10 лет сотрясавшей устои Русского государства. Но ее последствия ощущались еще несколько десятилетий.

Если на юге к середине 1614 г. казаки успокоились, то на севере казачьи банды атамана Баловня наводили страх на жителей Вологодского, Каргопольского и Белозерского